

DOI 10.15826/izv2.2021.23.3.047

УДК 332.1(517.15) + 343.43 +
+ 303.724.32 + 519.1**Е. М. Мишина***Проект «Открытый список»
жертв политических репрессий в СССР
благотворительного фонда «Протяни руку»
Москва, Россия*

УРОВЕНЬ РЕПРЕССИЙ В РАЙОНАХ АЛТАЯ В 1935–1937 гг.: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И ГИС

Статья посвящена анализу влияния социально-экономических показателей развития районов Алтая и Ойротской автономной области накануне Большого террора (1935 — первая половина 1937 г.) на порайонную интенсивность репрессий. При помощи статистических методов (регрессионного анализа) проверяется гипотеза о том, что в районах с наибольшим уровнем благосостояния населения был выше и уровень репрессий. Установлено, что товарооборот и удельные расходы бюджета по сравнению с другими экономическими показателями в наибольшей степени влияли на уровень репрессий в районах Алтая и Ойротии. На основе результатов анализа региональной статистики делается вывод о том, что провозглашаемый большевиками тезис об оправдании неудач экономического развития действиями «врагов» на практике выглядит несостоятельным, так как отстававшие в экономическом отношении районы характеризовались относительно невысоким уровнем репрессий. Во второй части статьи приводится типология районов Алтая и Ойротии, основанная на результатах кластерного анализа различных групп экономических и сельскохозяйственных показателей развития районов: развитые в сельскохозяйственном отношении районы предгорной полосы Алтая; центральная полоса с железнодорожным сообщением; районы запада Алтая с высоким товарооборотом на душу населения; районы с центром в городах; «национальные» районы, где на репрессии оказывал влияние комплекс экономических и политических причин. В каждой группе выделяются определенные экономические факторы, оказывающие наибольшее влияние на уровень репрессий в них. Подтверждается выдвинутая гипотеза о влиянии пространственного фактора на интенсивность репрессий: группы районов каждого отдельного кластера в основном состоят из смежных районов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политические репрессии; социально-экономическое развитие; Алтай; Ойротия; регрессионный анализ; кластерный анализ; ГИС

Ц и т и р о в а н и е: *Мишина Е. М.* Уровень репрессий в районах Алтая в 1935–1937 гг.: опыт применения статистических методов и ГИС // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 3. С. 87–103. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.3.047>

Поступила в редакцию: 13.03.2020

Принята к печати: 23.06.2021

Ekaterina M. Mishina

*“Open List” Project of Political Terror Victims in the USSR
of Charity Foundation “Give a Hand”*

Moscow, Russia

**LEVEL OF REPRESSION IN ALTAI REGIONS
BETWEEN 1935 AND 1937:
AN ATTEMPT AT USING STATISTICAL AND GIS METHODS**

This article focuses on the analysis of the impact of socio-economic development indicators of Altai region and Oyrot autonomous region on the eve of the Great Purge (1935 – first half of 1937) on the regional intensity of repression. Employing statistical methods (regression analysis), the author verifies the hypothesis that in the areas with the highest level of well-being of the population, the level of repression was also higher. It is established that the turnover and expenditures per capita compared with other economic indicators had the greatest influence on repression levels in Altai and Oyrotia regions. Based on the results of the analysis of regional statistics, the author of the article puts forward a theory that the thesis proclaimed by the Bolsheviks to justify the failure of economic development by the actions of the “enemies” in practice seems untenable, since economically lagging regions were characterised by a relatively low level of repression. In the second part of the article, the author presents a typology of districts of Altai and Oyrotia regions based on the results of cluster analysis of various groups of socio-economic development indicators. Additionally, she substantiates the hypothesis about the influence of the spatial factor on the intensity of repression: the groups of regions of each individual cluster consist mainly of adjacent regions.

Key words: political repression; socio-economic development; Altai region; Oyrotia; regression analysis; cluster analysis; GIS

For citation: Mishina, E. M. (2021). Uroven' repressii v raionakh Altaia v 1935–1937 gg.: opyt primeneniia statisticheskikh metodov i GIS [Level of Repression in Altai Regions between 1935 and 1937: An Attempt at Using Statistical and GIS Methods]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(3), 87–103. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.3.047>

*Submitted: 13.03.2020**Accepted: 23.06.2021*

1935–1936 годы называют временем «тихого» террора [Tucker, p. 303]. В эти годы еще не существовало «лимитов» на аресты, введенных оперативным приказом 00447 от 30 июля 1937 г., не существовало инструкций, которые бы регламентировали, кто и по какой причине должен быть арестован. Процессы, происходившие в центре страны, — борьба с остатками «оппозиции» — постепенно формировали образ «врага народа», который в виде различных директив и инструкций передавался в регионы, где приобретал местную специфику. Так происходило и на преимущественно аграрном Алтае, где больше половины арестованных накануне Большого террора составили занятые в сельском хозяйстве.

В середине 1930-х гг. Алтай входил в Западно-Сибирский край. К нему относилось 55 собственно алтайских районов и 10 аймаков Ойротской автономной области, и в каждом из них аресты происходили с разной интенсивностью. Как влияло на нее экономическое положение района? Сегодня мы знаем, что, несмотря на успехи индустриализации, было много срывов производства, аварий на транспорте, в сельском хозяйстве наблюдался кризис, вызванный коллективизацией. Разворачивая террор, власти хотели «списать» экономические трудности на вредительскую деятельность «антисоветских элементов» [Разгон, с. 250]. Первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. Эйхе в своем выступлении на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. объяснял частые аварии на кузнецких шахтах, ссылаясь на речь Сталина на XVI съезде партии, не мелкими и случайными неполадками, а действиями классовых врагов. «Мы забыли, что за каждой аварией, за каждым случаем конвейера неполадок надо искать руку классового врага» [Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года, с. 4]. «Враги» орудовали и в сельском хозяйстве: в начале Большого террора, продолжая намеченную еще в начале 1930-х гг. линию, Сталин призвал к ликвидации вредительской работы врагов в колхозах [Трагедия советской деревни, т. 5, кн. 1, с. 394]. Однако куда в действительности была направлена карательная политика большевиков? Ответ на этот вопрос помогает дать анализ экономической статистики [Западно-Сибирский край. Города и районы] в контексте рассмотрения региональной репрессивной политики [Жертвы политического террора в СССР].

В историографии нами был выявлен один пример оценки различия уровня репрессий в разных районах. А. А. Макаров в своей работе о репрессиях в Красноярском крае выделяет три группы районов по интенсивности репрессий 1934–1938 гг.: на севере региона, где располагались места политической ссылки и спецпоселения раскулаченных и депортированных представителей национальных диаспор, в районах с центром в крупных городах и в районах, по территории которых проходили железные дороги [Макаров, с. 46–47]. Автор разделяет районы, относящиеся к указанным категориям, по доле репрессированных от общего числа жителей края, однако не раскрывает статистически тезис о влиянии экономического развития района на интенсивность террора.

Очевидно, что в каждой из выделенных автором групп на вариацию уровня репрессий влияли различные причины: например, в первой решающую роль играл политический аспект, так как спецпоселенцы продолжали оставаться чуждыми власти элементами. Особенно ярко это отношение выразилось накануне выборов в Верховный совет СССР: Эйхе считал, что «матерые враги», которых якобы было много среди раскулаченных, попытаются использовать выборы в своих целях [Красильников]. К политическим аспектам относятся и национальный состав жителей региона (особенно ярко он проявился в «национальных» операциях Большого террора). На вариацию интенсивности уровня репрессий оказывало определенное влияние экономическое развитие региона, его экономический профиль, наличие в нем крупных промышленных

предприятий. Наконец, реализация предписаний центральной власти на местах возлагалась на руководителей районных отделений НКВД. Рассмотрение этого аспекта в комплексе представляется задачей отдельного исследования, которое еще ждет своего автора, а имеющиеся фрагментарные сведения относятся ко времени Большого террора [Разгон, Жданова, с. 74; Ватлин]. Чтобы проверить гипотезу о влиянии экономических причин на порайонную вариацию репрессий, мы можем провести статистический анализ и выявить роль экономических факторов в комплексе причин политических репрессий.

Основным источником о порайонном количестве репрессированных являются Книги памяти жертв политических репрессий (Алтайского края [Жертвы политического террора в Алтайском крае, т. 2, т. 3, т. 7] и Республики Алтай [Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай, т. 1–3]), собранные воедино в базе данных международного «Мемориала». Такие книги содержат краткие биографические справки на каждого учтенного репрессированного. Они составляются по материалам архивно-следственных дел, хранящихся преимущественно в ведомственных, но частично — в государственных архивах. В семи томах Книги памяти Алтайского края, созданной на основе базы данных «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК)», содержатся имена 46 226 чел. База данных была создана специалистами управления архивного дела Алтайского края в ходе подготовки издания Книг памяти по материалам судебно-следственных дел фонда Р-2 «Управление ФСБ РФ по Алтайскому краю». В 1992–2005 гг. судебно-следственные дела по Алтайскому краю были переданы из Управления ФСБ на хранение в Государственный архив Алтайского края [Жданова, 2011, с. 444; 2015, с. 35]. Книги памяти Алтайского края обладают высокой степенью полноты информации: они охватывают практически всех репрессированных на территории края, за исключением небольшой части дел на граждан, не подлежащих реабилитации или еще не реабилитированных, которые остаются на хранении в УФСБ.

В Республике Алтай по данным трех томов Книг памяти за годы советской власти было репрессировано 7 413 чел., из них 3 789 чел. приходится на 1936–1938 гг. [Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай, т. 3, с. 244] (статистики с разбиением на отдельные годы не выявлено). Следственные дела находятся на хранении в республиканском Государственном архиве социально-правовой документации, но на них продлен режим секретности, доступ к ним ограничен — не предоставляются биографические сведения и материалы допросов обвиняемых и свидетелей [Политические репрессии в Горном Алтае, с. 16]. Мы полагаем, что статистика репрессированных по республиканским «Книгам памяти» обладает необходимой полнотой. Масштаб репрессий в 1935–1936 гг. сопоставим с другой приграничной национальной автономией — Хакасской АО, где проходили схожие с Ойротской АО репрессивные кампании против национальной интеллигенции: там в указанное время было арестовано 217 чел. [Карлов, с. 143], тогда как в Ойротии — 264 чел. Таким образом, Книги памяти Алтайского края и Республики Алтай являются надежным источником

для исследования динамики и интенсивности репрессий. Накануне Большого террора в двух интересующих нас регионах было репрессировано 2 165 чел., из которых в «Книгах памяти» у 1 998 чел. указан район проживания.

Показатели экономического развития районов Алтая и Ойротии опубликованы в сборнике «Западно-Сибирский край. Города и районы. Основные показатели». Он составлен по материалам официальной статистики Краевого управления народно-хозяйственного учета за 1935 г. Справочник содержит краткие сводки информации по каждому крупному городу и всем районам ЗСК. Нами были отобраны различные показатели, отражающие уровень развития сельского хозяйства (количество посевной¹ и отдельно колхозной посевной земли, количество лошадей, коров и крупного рогатого скота (КРС), процент коллективизированных хозяйств, количество тракторов, комбайнов и автомашин в колхозах), торговли (товарооборот), просвещения (количество учащихся), здравоохранения (количество коек в больницах), доходы и расходы бюджета². Из этих показателей на следующем этапе исследования при помощи корреляционного анализа были отобраны признаки для построения регрессионных моделей.

Регрессионный анализ нередко используется для выявления причинных связей в многофакторном наборе данных. Мы исследовали, как изменение различных социально-экономических показателей влияло на порайонные доли репрессированных (от общего количества населения каждого района). Результаты регрессий представлены в таблице ниже:

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа (по районам Алтая и Ойротской АО)

Факторные переменные*	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3
<i>Свободный член уравнения</i>	–15,634** (1,998)	–0,414 (2,681)	–17,757 (5,235)
Количество лошадей / 100 га посевной площади		0,028** (0,007)	
Количество учащихся школ / 100 чел. сельского населения			0,757** (0,192)
Количество коек в больницах / 100 чел. сельского населения			1,417** (0,274)

¹ Под посевной площадью имеется в виду весь земельный фонд района, пригодный для земледелия: площадь всех земель колхозов, совхозов и единоличников.

² Источники данных: процент коллективизации — статистика КрайЗУ на 1 октября 1935 г., посевная площадь — данные уборочной кампании 1935 г. по статистике КрайУНХУ, поголовье скота — данные КрайУНХУ на 1 января 1935 г., товарооборот — данные Запсибторга и потребкооперации на 1935 г., просвещение — данные КрайФУ на 1 сентября 1935 г., бюджет — план на 1935 г.

Окончание табл. 1

Факторные переменные*	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3
Товaroоборот на душу населения		0,076** (0,015)	
Расходы бюджета на душу населения	0,691** (0,043)		
Число объектов	66	66	66
R ²	0,89	0,66	0,60
Скорректированный R ²	0,79	0,42	0,35

* Зависимая переменная — доля репрессированных на 10 000 чел. населения каждого района

** Коэффициент значим при $p < 0,01$. Первое число — коэффициент регрессии, в скобках — стандартная ошибка коэффициента регрессии.

Регрессионные модели показали, что в наибольшей степени с порайонной интенсивностью репрессий был связан уровень удельных расходов бюджета — косвенный показатель социального развития и благосостояния населения. Только его изменение объясняет 79 % дисперсии зависимого признака, т. е. с увеличением расходов бюджета на душу населения повышался и уровень репрессий. Наибольшие удельные расходы местного бюджета на население в 1936 г. приходились на Улаганский и Ойрот-Турский аймаки (150,4 руб./чел. и 129 руб./чел. соответственно). В этих же районах накануне Большого террора было репрессировано больше всего людей (120 и 62 чел. соответственно на 10 000 чел. населения).

Регрессионная модель показывает, что с порайонной интенсивностью репрессий связан и уровень коллективизации, а точнее — доля коллективизированных хозяйств (а также косвенный индикатор состоятельности колхозов — количество колхозной посевной площади на одного сельского жителя). Районы Алтая имели преимущественно аграрную специализацию. По всему СССР в 1935–1936 гг. колхозники составили 9,1 % от всех арестованных, а на Алтае — 28,3 % [Мозохин; Жертвы политического террора в СССР]. В Поспелихинском, Новичихинском, Белоглазьевском и Локтевском районах в 1935 г. коллективизация достигала почти 100 %, но были и районы, в которых коллективизация была еще далека от завершения: Солтонский (64,9 %), Алтайский (71 %), Залесовский (75 %). В двух из них — Солтонском и Залесовском — уровень репрессий был ниже, чем в районах более успешной коллективизации. Регрессионный анализ показал, что в тех районах, где увеличивалась доля коллективизированных хозяйств, повышалась и интенсивность репрессий.

Значительное влияние на порайонную интенсивность репрессий оказывало изменение еще одного показателя уровня благосостояния граждан — товарооборота на душу населения. В тех районах, где он был выше, была высока и интенсивность репрессий, что наглядно показывает следующая таблица:

Таблица 2

**Показатели социально-экономического развития
отдельных районов Алтая и Ойротской АО
[Западно-Сибирский край; Жертвы политического террора в СССР]**

С наиболее низким уровнем благосостояния				С наиболее высоким уровнем благосостояния			
Район	Доля репрессированных на 10 000 чел.	Расходы бюджета на душу населения, руб.	Товарооборот на душу населения, руб.	Район	Доля репрессированных на 10 000 чел.	Расходы бюджета на душу населения, руб.	Товарооборот на душу населения, руб.
Тальменский	3,0	28,8	21,5	Ойрот-Турский	62,2	129,50	805,3
Солтонский	2,0	18,3	45,2	Барнаульский	15,6	71,39	639,6
Панкрушинский	2,1	26,3	52,3	Бийский	14,6	58,73	346,5
Усть-Калманский	2,1	32,4	56,6	Улаганский	120,3	150,40	336,6
Парфеновский	18,3	31,4	58,5	Славгородский	25,4	76,38	254,9
Турочакский	8,9	42,1	109,2	Рубцовский	9,8	56,07	226,9
Чойский	13,5	42,1	112,3	Немецкий	49,7	63,41	222,9

В районах с самым низким уровнем благосостояния населения интенсивность репрессий была невысокой, за исключением Парфеновского района. В Ойротской АО из всех ее аймаков Турочакский и Чойский отличались относительно низким уровнем экономического развития, что показывают приведенные в таблице данные. В этих аймаках только половина хозяйств была коллективизирована. Отставало в них и развитие социальной сферы: например, по количеству школьников (12 на 100 чел. населения) они стоят на последнем месте среди всех районов и аймаков.

Центрами районов с наиболее высоким уровнем благосостояния (кроме Немецкого района и Улаганского аймака) являлись города — Барнаул, Бийск, Славгород, Рубцовск и Ойрот-Тура. Города прежде всего находились под усиленным надзором НКВД; в них концентрировалось производство, следовательно, была высокой доля служащих и рабочих. Их количество среди арестованных начало постепенно расти с осени 1936 г. после того, как на союзном уровне была объявлена борьба с вредительством на производстве и с «троцкистами». Доля репрессированных в Немецком национальном районе значительно превосходит

другие районы Алтая — 49,7 на 10 000 чел. Уровень коллективизации достиг в нем 97,4 % к началу 1935 г., при этом степень механизации колхозов была наивысшей относительно других районов (11 комбайнов на каждые 10 колхозов, самый большой тракторный парк). Несмотря на развитое колхозное хозяйство, район был убыточным: местный бюджет получал 24,3 руб. дохода при расходах 63,4 руб. с человека. Очевидно, эти обстоятельства в определенной степени влияли на интенсивность репрессий: как показал регрессионный анализ, она была выше в тех районах, где на человека тратилось больше государственных средств. Основной мотив для репрессий среди немецкого населения, естественно, состоял в его якобы существующих связях с Германией и получением отсюда помощи, а также ярой «антисоветской агитации». В смежном с Немецким Славгородском районе почти половину арестованных составили представители различных нерусских национальностей. В нем удельные расходы бюджета также существенно превышали доходы (76,3 руб./чел. и 36,5 руб./чел. соответственно). Высок был уровень социального развития: в Славгородском, Немецком и Рубцовском районах школьниками были 19 чел. из 100, в Ойротии же такой показатель был только у Ойрот-Туринского аймака.

В Улаганском аймаке Ойротии 90 % всех арестованных было занято в сельском хозяйстве. Этот аймак — место компактного проживания коренного населения: все репрессированные там — алтайцы, большая часть из них — теленгиты (субэтнос алтайцев). Теленгиты были наиболее привязанной к традициям группой населения: они оставались (и остаются до настоящего времени) скотоводами-кочевниками. В середине 1930-х гг. их хозяйство было полностью экстенсивным: на 100 га посевной площади у них приходилась 661 лошадь, 630 голов крупного рогатого скота, 252 коровы при полном отсутствии механической техники (тракторов и комбайнов). Больше количество скота имели только жители приграничного Кош-Агачского аймака. В Улаганском аймаке была вторая по величине после Ойротского аймака доля стоимости производимой продукции на душу населения (39 руб./чел.). На интенсивность репрессий влияло и географическое положение аймака: он находился на границе с Тувинской народной республикой, а жителей приграничного района, преимущественно коренное население, которое сложно адаптировалось к советской модели, легче было обвинить в создании «националистических групп, стремящихся к отделению Ойротии от СССР» (как это было в ходе арестов 1935–1936 гг.). Любопытно, что с точки зрения советских идеологов кочевой и полукочевой образ жизни являлся тормозом на пути развития экономики и культуры [Шадт, с. 227]. Очевидно, что высокий уровень репрессий в национальных алтайских аймаках, в которых такой образ жизни был характерен для населения, был напрямую связан с методами установления в этих аймаках советской экономической модели.

Как была связана порайонная интенсивность репрессий с пространственным фактором? Мы можем увидеть это на следующей карте [Западно-Сибирский край; Жертвы политического террора в СССР], которая показывает относительно целостные группы районов по доле репрессированных в них:

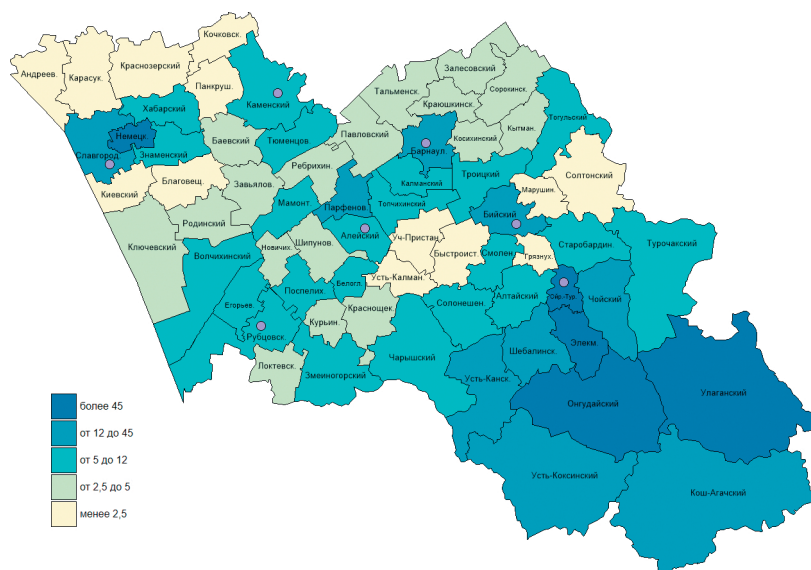

Рис. 1. Доля арестованных с 1 декабря 1934 г. по 30 июня 1937 г. на 10 000 чел.

Fig. 1. The proportion of arrests between 1 December 1934 and 30 June 1937 per 10,000 persons

Наибольшие доли арестованных среди населения приходятся на пять аймаков Ойротской АО (в юго-восточной части территории края): с центром в г. Ойрот-Тура, соседний Элекмонарский и три с преимущественно коренным населением — Онгудайский, Улаганский и Кош-Агачский. На Алтае столь же высокий уровень репрессий был только в Немецком национальном районе. Районы, в которых уровень репрессий был чуть ниже, имели центры в городах (Барнаул, Бийск, Славгород). К этой же группе относятся четыре аймака Ойротской АО, где было репрессировано больше русских (Чойский, Шебалинский, Усть-Коксинский, Усть-Канский, в котором большую часть населения составляли алтайцы) и Парфеновский район на Алтае. Арестованные здесь в основном были колхозниками и единоличниками, 55 % арестов приходится на 1935 г., когда в районах Алтая проходили локальные репрессивные акции, направленные против работников сельского хозяйства. Через всю территорию Алтая с запада на восток протянулась линия районов, в которых уровень репрессий был относительно невысоким (от 2,5 до 5 на 10 000 чел. населения).

В конце 1934 г. — начале 1937 г. на Алтае и в Ойротии из всех репрессированных 71,2 % проживали на селе и 28,8 % — в городах. Эта доля значительно выше, чем зафиксированная в переписи 1939 г. доля горожан (16,5 %) [Всесоюзная перепись населения 1939 года, с. 23]. Органы госбезопасности проявляли пристальное внимание к жителям городов. Там находились крупные железнодорожные станции, основные промышленные предприятия, концентрировалось много рабочих и служащих, которые все чаще становились жертвами репрессий

с осени 1936 г. В городах также скапливались «маргинальные и деклассированные» элементы, которые становились объектами периодических «чисток» [Макаров, с. 58–59]. Спасаясь от коллективизации и «раскулачивания», часть сельских жителей меняла место жительства и переезжала в города, где вливалась в ряды рабочего класса (массово этот процесс наблюдался в начале 1930-х гг. в период раскулачивания). Органы НКВД в ходе «чисток» выявляли этих людей по показаниям ранее арестованных и также подвергали арестам [Хаустов, с. 79].

Действительно ли интенсивность репрессий в районах, близких друг к другу территориально, различалась в меньшей степени, чем в отдаленных друг от друга районах и насколько такие районы были схожи друг с другом по уровню экономического развития? Ответы на эти вопросы дает другой статистический метод — кластерный анализ, который используется для создания типологической группировки некоторой совокупности объектов. Для повышения надежности результатов анализ проводился с помощью двух алгоритмов: сначала иерархическим методом для определения количества требуемых кластеров, затем методом k-средних с числом кластеров, равным пяти. Из каждой кластеризации мы вынуждены были исключить отдельные районы как «выпадающие точки», так как при использовании как двух разных методов кластеризации, так и различных наборов признаков (в процессе подбора оптимальных) они образовывали кластеры, включающие лишь один район. Это связано со значением отдельных показателей указанных районов: к примеру, доля репрессированных в Улаганском аймаке составляет 120,3 на 10 000 чел. населения, тогда как у второго по уровню репрессий аймака — Ойрот-Турского — этот показатель составляет 62,2. В Кош-Агачском аймаке на 100 га колхозной площади приходилось 2 210 голов крупного рогатого скота, а в следующем за ним Улаганском — 366.

Источником для создания ГИС-карты послужила экономическая карта Алтайского края 1939 г., составленная 6-й Картографической фабрикой ГУТК при СНК СССР в октябре 1939 г., с указанием границ всех районов Алтая. При построении ГИС, основанной на административно-территориальном делении Алтая в рамках Западно-Сибирского края в 1935 г., были учтены изменения в границах районов, произошедшие после выделения Алтайского края в отдельную территориальную единицу в сентябре 1937 г. В частности, на карту были нанесены границы упраздненного в 1938 г. Немецкого района, установлены корректные границы Волчихинского и Рубцовского районов (в 1939 г. из частей их территорий выделен Угловский район), Бийского района, упраздненного в 1939 г., в границах 1935 г. воссозданы Солтонский и Ребрихинский районы. При реконструкции границ районов использовались сведения справочника «Западно-Сибирский край. Города и районы».

Первая представленная типология отражает экономическое состояние районов. Наиболее успешными в экономическом отношении являлись те, в которых был высок товарооборот на душу населения, т. е. покупательная способность.

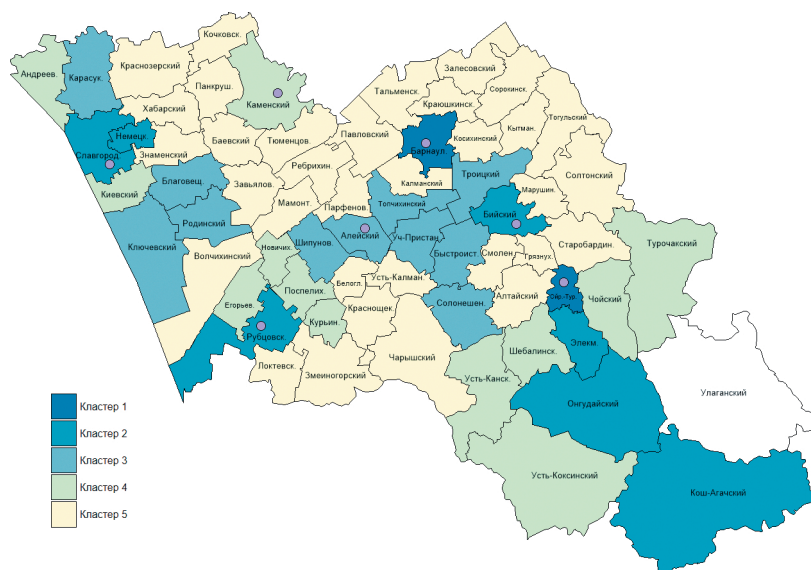

Рис. 2. Районы Алтая и Ойротии по товарообороту на душу населения и удельным расходам районных бюджетов на 1936 г.

Fig. 2. Districts of the Altai and Oyrotia by turnover per capita and expenditure of local budgets in 1936

Кластер 1. Оба показателя значительно выше среднего (средние по кластеру — 690,9 и 100,4 руб./чел. соответственно)

Кластер 2. Оба показателя выше среднего (217,4 и 76,2 руб./чел.)

Кластер 3. Товарооборот несколько выше среднего, расходы бюджета — несколько ниже (148 и 30,1 руб./чел.)

Кластер 4. Оба показателя несколько ниже среднего (118,3 и 42,6 руб./чел.)

Кластер 5. Оба показателя значительно ниже среднего (77,2 и 27 руб./чел. соответственно)

Примечание: средний товарооборот для всех районов 135,8 руб./чел., средние расходы — 39,4 руб./чел.

Наиболее целостным в территориальном отношении является пятый кластер районов, который характеризуется низким уровнем благосостояния населения, а также третий: в центре и на западе Алтая (Ключевский, Благовещенский и Родинский районы). Ниже, чем в районах этой группы, удельные расходы бюджета были только в пятой группе. В ее центральных районах (Алейский, Топчихинский, Калманский, Троицкий, Солонешенский) была относительно высока как интенсивность репрессий, так и покупательная способность населения (средний товарооборот 148 руб./чел., тогда как в районах пятой группы он едва доходил до 80 руб./чел.). На это влияло наличие железнодорожной линии Томской железной дороги, проходящей через Калманку, Топчиху и Алейск до Рубцовска. Солонешенский район был развит в сельскохозяйственном отношении. Из всех районов Алтая он был лидером по обеспеченности лошадьми (30/100 га колхозной площади) и крупным рогатым скотом (92/100 га колхозной площади), однако характер развития был экстенсивным: в колхозах района не было ни одного трактора, комбайна или автомашины.

Неудивительно, что район вокруг Барнаула и Ойрот-Турский аймак составляют единую группу: в них находились два центральных города будущего Алтайского края: его административный центр г. Барнаул и г. Ойрот-Тура как административный центр автономной области. И товарооборот, и расходы бюджета на душу населения в Ойрот-Туре были выше, чем в Барнауле: 805,3 руб./чел. и 129 руб./чел. в первом городе и 576,6 руб./чел. и 71,39 руб./чел. во втором соответственно. Расходы бюджета выше барнаульских были в Славгородском районе (76,4 руб./чел.), а среди аймаков Ойротии наибольший показатель у Улаганского аймака (150,4 руб./чел.).

Второй кластер — это «национальные» районы и районы с центрами в городах. Уровень благосостояния населения в них был выше, чем в районах четвертого кластера, где в среднем на человека тратилось 43 руб. бюджета, а товарооборот составлял 118 руб./чел. (во второй группе — 76 руб./чел. и 217 руб./чел. соответственно). Хотя и в четвертом кластере национальный признак имел определенное значение: как и в типологии районов по интенсивности репрессий, в группировке по уровню благосостояния населения четыре ойротских аймака, где в основном (кроме Усть-Канского аймака) проживали русские, оказались в одной группе.

При пространственном анализе распределения сельскохозяйственных показателей мы получаем более однородные группы, что показывает следующая карта:

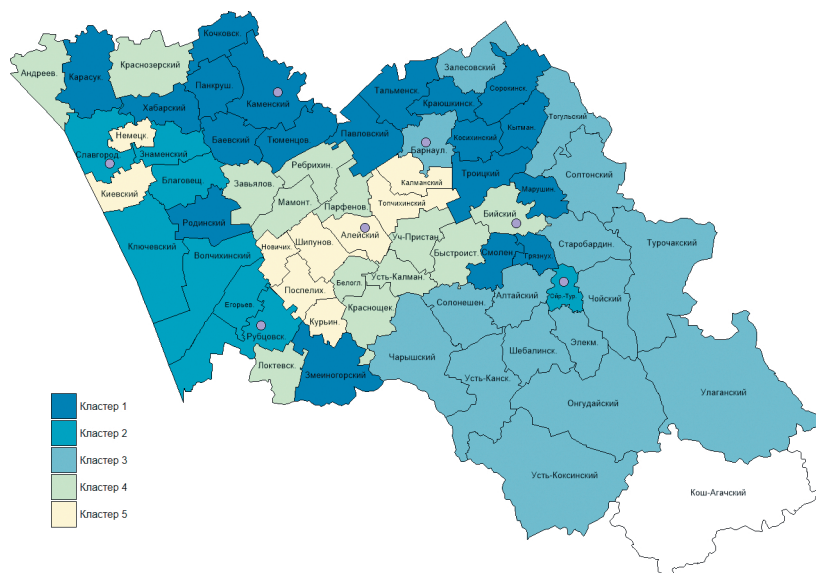

Рис. 3. Районы Алтая и Ойротии по распределению доли колхозной площади на количество сельских жителей, количеству голов крупного рогатого скота в колхозах на 100 га колхозной площади, количеству комбайнов на 10 колхозов на 1936 г.

Fig. 3. Districts of the Altai and Oyrotia in terms of the distribution of the share of collective farm area by the number of rural residents, the number of cattle in collective farms per 100 hectares of collective farm area, and the number of combines per 10 collective farms in 1936

Кластер 1. Слаборазвитые в сельскохозяйственном отношении районы: доли колхозной площади и количество комбайнов несколько ниже среднего, крупного рогатого скота — значительно ниже среднего (средние по кластеру: 1,1 га/чел., 21 голова/100 га, 2 шт./10 колхозов)

Кластер 2. Большие, но слаборазвитые площади под сельским хозяйством: доля колхозной площади значительно выше среднего, крупного рогатого скота — значительно ниже среднего, количество комбайнов — несколько ниже среднего (2,2 га/чел., 19,8 голов/100 га, 3,5 шт./10 колхозов)

Кластер 3. Районы со слаборазвитым земледелием при развитом животноводстве: доля колхозной площади и количество комбайнов значительно ниже среднего, крупного рогатого скота — значительно выше среднего (0,6 га/чел., 101 голов/100 га, 0,3 шт./10 колхозов)

Кластер 4. Районы со среднеразвитым сельским хозяйством: доля колхозной площади и количество комбайнов несколько выше среднего, крупного рогатого скота — значительно ниже среднего (1,5 га/чел., 15 голов/100 га, 6 шт./10 колхозов)

Кластер 5. Районы с развитым земледелием при слаборазвитом животноводстве: доля колхозной площади и количество комбайнов значительно выше среднего, крупного рогатого скота — значительно ниже среднего (2 га/чел., 10 голов/100 га, 9 шт./10 колхозов)

Примечание: средняя доля колхозной площади для всех районов — 1,3 га/чел., средняя доля крупного рогатого скота — 70 голов/100 га, среднее количество комбайнов — 4 шт./10 колхозов

Самый большой кластер 3 расположился на юге. Он состоит из всех аймаков, кроме Ойрот-Турского, вошедшего во второй кластер, и части районов на юге и востоке Алтая (Чарышский, Солонешенский, Алтайский, Старобардинский, Солтонский, Тогульский). Эта группа районов специализировалась на животноводстве: в районах, входящих в нее, наибольшее количество крупного рогатого скота при почти полном отсутствии механизации. В них же было наименьшее количество коллективизированных хозяйств: например, при среднем уровне коллективизации для Ойротии в 62 %, в Турочакском аймаке он составлял всего 49 %. На Алтае самый низкий процент коллективизации в 1935 г. был в Солтонском районе (64,9 %). В годы Большого террора репрессии в этом районе были более масштабными и жесткими, чем во многих других районах края. Так, если в среднем по приказу 00447 к расстрелу по краю приговаривали в 45,5 % случаев, то в Солтонском районе эта доля составила 59 %. Этому способствовало проведение здесь в ноябре 1937 г. районной карательной операции, вызванной провалом выполнения задания по сдаче зерна государству [Разгон, Жданова, с. 74]. Накануне Большого террора аресты в Солтонском районе не отличались высокой интенсивностью. В соседнем с ним Старобардинском районе, а также в предгорных Чарышском и Солонешенском районах с более высоким уровнем коллективизации (более 85%) и благоприятным для земледелия и в особенности животноводства климатом интенсивность репрессий была выше. Наиболее высокой среди районов третьей группы она была в ойротских аймаках, однако там важную роль в проведении репрессий играл национальный фактор.

Первый и четвертый кластер незначительно различаются между собой по доле колхозной площади, чуть больше — по количеству скота (в четвертом оно меньше), однако первый значительно отставал по уровню механизации (2 комбайна против 6 на 10 колхозов). Во втором кластере объединились алтайские районы на западе и Ойрот-Турский аймак. В них был наибольший

процент коллективизированных хозяйств и высокая степень механизации, при этом наименьшее количество скота (от 3 до 20 голов на 100 га по разным районам, за исключением Ойрот-Турского, где это количество составило 75 голов/100 га). Часть этих районов (Славгородский, Знаменский, Волчихинский, Егорьевский, Рубцовский) характеризовалась относительно высокой интенсивностью арестов, в них высока была доля репрессированных служащих. Самый высокий процент коллективизации, а также количество используемых сельхозмашин были у районов пятого кластера, который расположился в центре Алтая и разбил собой районы четвертой группы со схожим, но более низким уровнем сельскохозяйственного развития. Через часть этих районов (кроме Шипуновского, Новичихинского и Курьинского) проходила железная дорога, в них были высокими товарооборот на душу населения и интенсивность репрессий. К районам этой группы относится и Немецкий национальный район, который всегда отличался наличием самых продуктивных хозяйств и в котором национальный фактор в проведении арестов являлся наиболее значимым уже накануне Большого террора.

Проведенный статистический анализ подтверждает нашу гипотезу о влиянии экономических причин на порайонную вариацию интенсивности репрессий. Выявление общих и различных черт в полученных нами группировках по разным социально-экономическим признакам позволяет составить единую типологию районов Алтая и Ойротии:

1. Районы центра Алтая (Алейский, Топчихинский, Калманский, Троицкий и т. д.) с высоким товарооборотом на душу населения в силу близости Томской железной дороги и развитым сельским хозяйством с высоким уровнем его механизации;

2. Районы предгорной полосы Алтая (Чарышский, Солонешенский, Алтайский, Старобардинский) с относительно высоким уровнем коллективизации при экстенсивном характере развития сельскохозяйственного производства, с умеренным уровнем экономического развития — относительно низким товарооборотом и удельными расходами бюджета;

3. Районы запада и юго-запада Алтая (Ключевский, Волчихинский, Егорьевский, Рубцовский и т. д.) с высоким уровнем коллективизации при экстенсивном характере развития сельского хозяйства, относительно высоким товарооборотом на душу населения;

4. Районы с центром в городах (Барнаульский, Бийский, Славгородский, Каменский, Рубцовский, Ойрот-Турский) с высоким уровнем благосостояния населения при низкой роли сельского хозяйства;

5. «Национальные» районы (Онгудайский, Улаганский, Кош-Агачский) с зажиточными хозяйствами преимущественно экстенсивного типа, невысоким уровнем коллективизации, и Немецкий район с высокой степенью механизации колхозного хозяйства и самым высоким уровнем благосостояния населения среди сельских алтайских районов. Аймаки Ойротии можно разделить на две группы по национальному признаку: с репрессированными преимущественно

алтайцами (Онгудайский, Улаганский, Кош-Агачский) и русскими (Шебалинский, Усть-Коксинский, Чойский). Эликманарский аймак являлся районом с преимущественно русским населением, но во всех случаях шел в связке с «национальными» алтайскими аймаками.

Остальные районы, которые можно условно выделить в шестую группу, не отличались высокими экономическими показателями и не выделялись по уровню своего сельскохозяйственного производства. В таких районах репрессии проходили не столь интенсивно, как в выделенных нами пяти отдельных группах, где комплекс социально-экономических факторов был более значим. В четвертой и пятой группах к нему добавляется этнонациональный фактор, который в сталинские годы был превращен в политический. Именно такие — политические и идеологические — причины всегда были основными в проведении той или иной репрессивной кампании, однако, как показывает наше исследование, экономические факторы нередко играли в них свою немаловажную роль. Накануне Большого террора экономическими причинами мы можем объяснить до трети вариации порайонной интенсивности репрессий. Это показывает анализ статистики по Алтаю и Ойротской АО, однако для выявления такой общесоюзной тенденции необходимо проведение дальнейших подобных исследований на материалах других регионов.

Источники

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М. : Наука, 1992.

Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 2 : 1931–1936 / редкол.: Н. И. Тарабаев (пред.), Н. И. Разгон (зам. пред.) и др. Барнаул : Упр. архивного дела администрации Алтайского края, 1999 ; Т. 3 : 1937 / редкол.: Ю. А. Вислогузов (пред.), Н. И. Разгон (зам. пред.) и др. Барнаул : Упр. архивного дела администрации Алтайского края, 2000–2001 ; Т. 7 : 1920–1965 / [редкол.: Г. Н. Безруков (отв. ред.) и др.]. Барнаул : Упр. архивного дела администрации Алтайского края, 2005.

Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/> (дата обращения: 12.03.2020).

Западно-Сибирский край : Города и районы. Основные показатели / под ред. пред. Запсибкрайплана В. Ф. Тиунова. Новосибирск : Зап-Сиб. краев. изд-во, 1936.

Книга памяти жертв политических репрессий : Респ. Алтай : в 3 т. / [редкол.: И. И. Белеков (пред.) и др.]. Горно-Алтайск : Юч-Сюмер, 1996–2003.

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. 1 марта 1937 года. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 3–11.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 = The tragedy of russian village. Collectivization and dekulakization. 1927–1939 : Док. и материалы : в 5 т. Т. 5, Кн. 1 : 1937–1939. 1937 / сост.: В. Данилов [и др.] ; редкол.: В. Данилов (отв. ред.) [и др.]. М. : РОССПЭН, 2004.

Исследования

Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба: «массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области, 1937–1938 гг. М. : РОССПЭН, 2004.

Жданова Г. Д. Проблемы обеспечения сохранности и использования судебно-следственных дел // История сталинизма: репрессированная российская провинция : материалы междунар. науч. конф., Смоленск, 9–11 октября 2009 г. / [под ред. Е. В. Кодина]. М. : Фонд Президентский центр Б. Н. Ельцина : РОССПЭН, 2011. С. 444–450.

Жданова Г. Д. Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг.: историко-статистическое исследование. Барнаул : АЗБУКА, 2015.

Карлов С. В. Массовые репрессии в 1930 гг. (на материалах Хакасии). Абакан : Хакаское кн. изд-во, 2011.

Красильников С. А. Р. И. Эйхе и его мартовский Пленум (Новосибирск, 16–18 марта 1937 г.) // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). Статья 5. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2019-1-5>

Макаров А. А. Репрессии в Красноярском крае (1934–1938). Абакан : Хакаское кн. изд-во, 2008.

Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М. : Кучково поле, 2006.

Политические репрессии в Горном Алтае (1922–1953 гг.) / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск : БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Сурузакова», 2017.

Разгон В. Н. Социальные и экономические факторы «Большого террора» 1937–1938 гг. (по материалам следственных дел УНКВД по Алтайскому краю на «бывших кулаков») // Экономическая история Сибири XX века : материалы Всерос. науч. конф., 30 июня — 1 июля 2006 г., Барнаул : [в 3 ч.] / [редкол.: Е. В. Демчик (отв. ред.) и др.]. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. Ч. 2. С. 249–260.

Разгон В. Н., Жданова Г. Д. Большой террор в ракурсе микроисторического исследования: репрессии в Солтонском районе Алтайского края в 1937–1938 гг. // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 71–87.

Хаустов В. Н. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Наказанный народ : по материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», 18–20 ноября 1998 г. / под ред. А. Б. Рогинского. М. : Звенья, 1999. С. 75–83.

Шадт А. А. Сталинская национальная политика в Сибири (1930–1950-е гг.) // Политические и социальные аспекты истории сталинизма : новые факты и интерпретации / под ред. С. Папкова и К. Тэраяма. М. : РОССПЭН ; Сендай, Япония : Tohoku, 2015. С. 218–238.

Tucker R. Stalin in Power. The Revolution from above, 1928–1941. New York : Norton, 1992.

References

Ekeev, N. V. (Ed.). (2017). *Politicheskie repressii v Gornom Altae (1922–1953 gg.)* [Political Repression in Mountainous Altai Region (1922–1953)]. Gorno-Altai: BNU RA “Nauchno-issledovatel'skii institut altaistiki im. S.S. Suruzakova”.

Karlov, S. V. (2011). *Massovye repressii v 1930 gg. (na materialakh Khakasii)* [Massive Repression in the 1930s (with Reference to Materials from Khakassia)]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Khaustov, V. N. (1999). *Repressii protiv sovetskikh nemtsev do nachala massovoi operatsii 1937 g.* [Repression against Soviet Germans before the Mass Operation of 1937]. In A. B. Roginsky (Ed.), *Nakazanniy narod: po materialam konferentsii “Repressii protiv rossijskikh nemtsev v Sovetskom Soiuze v kontekste sovetskoi natsional'noi politiki”, 18–20 noiabria 1998 g.* [Punished People: According to the Materials of the Conference “Repression against Russian Germans in the Soviet Union in the Context of the Soviet National Policy”, November 18–20, 1998] (pp. 75–83). Moscow: Zvenya.

Krasil'nikov, S. A. (2019). R. I. Eikhe i ego martovskii Plenum (Novosibirsk, 16–18 marta 1937 g.) [R.I. Eiche and his March Plenum (Novosibirsk, March 16–18, 1937)]. *Historical Courier*, 1 (3), Article 5. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2019-1-5>

Makarov, A. A. (2008). *Repressii v Krasnoyarskom krae (1934–1938)* [Repression in Krasnoyarsk Krai (1934–1938)]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Mozokhin, O. B. (2006). *Pravo na repressii. Vnesudebnye polnomochiia organov gosudarstvennoi bezopasnosti (1918–1953)* [The Right to Repression. Extrajudicial Powers of State Security Bodies (1918–1953)]. Moscow: Kuchkovo pole.

Razgon, V. N. (2006). Sotsial'nye i ekonomicheskie faktory "Bol'shogo terrora" 1937–1938 gg. (po materialam sledstvennykh del UNKVD po Altaiskomu kraiu na "byvshikh kulakov") [Social and Economic Factors of the Great Purge of 1937–1938 (Based on Materials from the Investigative Affairs of the UNKVD in Altai Krai on "Former Kulaks")]. In E. V. Demchik et al. (Eds.), *Ekonomicheskaiia istoriia Sibiri XX veka: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. 30 iunია – 1 iulia 2006 g.* [The Economic History of Siberia of the 20th Century: Materials of the All-Russian Scholarly Conference. June 30 – July 1, 2006] (Pt. 2, pp. 249–260). Barnaul: Altai University Press.

Razgon, V. N., & Zhdanova G. D. (2014). Bol'shoi terror v rakurse mikroistoricheskogo issledovaniia: repressii v Soltonskom raione Altaiskogo kraia v 1937–1938 gg. [The Great Purge from the Perspective of Microhistorical Research: Repression in the Solton Region of Altai Krai in 1937–1938]. *Siberian Historical Research*, 3, 71–87.

Schadt, A. A. (2015). Stalinskaia natsional'naia politika v Sibiri (1930–1950-e gg.) [Stalin's National Policy in Siberia (1930s–1950s)]. In S. Papkov, & K. Terayama (Eds.), *Politicheskie i sotsial'nye aspekty istorii stalinizma. Novye fakty i interpretatsii* [Political and Social Aspects of Stalinism History. New Facts and Interpretations] (pp. 218–238). Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsyklopedia; Sendai, Japan: Tohoku.

Tucker, R. (1992). *Stalin in Power. The Revolution from above, 1928–1941*. New York: Norton.

Vatlin, A. Yu. (2004). *Terror raionnogo masshtaba: "Massovye operatsii" NKVD v Kuntsevskom raione Moskovskoi oblasti 1937–1938 gg.* [Terror of Regional Scale: "Mass Operations" of the NKVD in Kuntsevo District, Moscow Region 1937–1938]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsyklopedia.

Zhdanova, G. D. (2011). Problemy obespecheniia sokhrannosti i ispol'zovaniia sudebno-sledstvennykh del [Problems of Ensuring the Safety and Use of Judicial Investigative Cases]. In E. V. Kodin (Ed.), *Istoriia stalinizma: repressirovannaia rossiiskaia provintsii: mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia (9–11 oktiabria 2009 g., Smolensk)* [The History of Stalinism: Repressed Russian Province: International Scholarly Conference (October 9–11, 2009, Smolensk)] (pp. 444–450). Moscow : Fond "Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina"; ROSSPEN.

Zhdanova, G. D. (2015). *Politicheskie repressii na Altae 1919–1938 gg.: istoriko-statisticheskoe issledovanie* [Political Repression in Altai Region 1919–1938: Historical and Statistical Research]. Barnaul: AZBUKA.

Мишина Екатерина Максимовна

кандидат исторических наук, редактор
проекта «Открытый список» жертв
политических репрессий в СССР;
сотрудник благотворительного фонда
«Протяни руку»
125009, Москва, ул. Моховая 11, корп. 3
E-mail: zyu@inbox.ru

Mishina, Ekaterina Maksimovna

PhD (History), Editor of the Project "Open
List" of Political Terror Victims in the USSR;
Fellow Worker
Charity Foundation "Give a Hand"
11/3, Mokhovaya Str.,
125009 Moscow, Russia
Email: zyu@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3513-1313>